

Владикавказскія Епархіальныя Вѣдомости.

(ЕЖЕНЕДѢЛЬНОЕ ИЗДАНИЕ).

13 годъ
изданія.

1907

14 Октября.

№ 42.

Цѣна за 52 №№—пять руб. съ церковей епархіи; съ членовъ причта, съ частныхъ подписчиковъ, съ церковныхъ школъ—три руб. въ годъ; цѣна одного номера—28 к. (четыре почтовыхъ марки).

Адресъ: Владикавказъ
(Терской области) Редакція Епархіальныхъ Вѣдомостей.

Официальная часть.

Перемѣны по службѣ.

Резолюціей Преосвященнѣйшаго Гедеона, Епископа Владикавказскаго и Моздокскаго отъ 10 сентября 1907 г. Псаломщику Крестовой г. Владикавказа церкви Николаю Глѣбову предоставлена священническая вакансія при церкви слободы Ведено, Глѣбовъ рукоположенъ Его Преосвященствомъ 14 сентября во діакона и 16 того же мѣсяца во священника къ оной церкви.

Согласно своей резолюціи отъ 12 сентября сего 1907 г. Его Преосвященство рукоположилъ Филиппа Унгіадзе 23 сентября во діакона и 26-го того же мѣсяца во священника къ церкви сел. Мизурскаго, на мѣсто отца его, Георгія Унгіадзе уволеннаго, по прошенію, за штатъ 12-го того же Сентября мѣсяца. 25 сентября 1907 г. Его Преосвященствомъ псаломщикъ церкви ст. Нестеровской Василій Закхеевъ, за поступленіемъ его

въ высшее учебное заведеніе, отчисленъ отъ должности псаломщика и на его мѣсто, къ церкви станицы Нестеровской псаломщикомъ назначенъ окончившій курсъ Александровской миссіонерской духовной семинаріи Михаилъ Диковъ.

Его Преосвященствомъ, Преосвященнѣйшимъ Гедеономъ, Епископомъ Владикавказскимъ и Моздокскимъ, 31 августа сего года прендано Настоятелю Кизлярскаго монастыря, іеромонаху Іосифу благословеніе возлагать на себя при богослуженіи на бедренникъ

Благодарность жертвователямъ.

Проживающій въ слободѣ Хасавъ-Юртъ греческо-поданный Епаминандъ Діамандопуло пожертвовалъ въ пользу Греческой г. Владикавказа церкви пятьдесятъ руб. деньгами, за что жертвователю выражена 20 сентября 1907 г. Его Преосвященствомъ сердечная благодарность. Въ теченіе перваго полугодія сего 1907 г. въ Николаевскую церковь пос. Суеткиной—Косы сдѣланы слѣдующія пожертвованія: 1) Мѣщанинъ г. Кизляра Евфимій Яковлевъ Суминъ—икону Успенія Божіей Матери съ лампадой, цѣною въ 29 рублей; 2) Агриппина Сумина—икону Покрова Пр. Богородицы—въ 6 руб.; 3) Иванъ Павловъ Савельевъ—икону Спасителя—въ 20 руб.; 4) Владимиръ Нестеровъ Жульевъ—икону Св. благовѣрнаго князя Владимира и Св. мученицы Екатерины, въ дубовомъ кіотѣ—въ 225 руб., и 5) Василий Θεодоровъ Банькинъ—икону Ивана Воина—въ 20 руб. Названнымъ жертвователямъ выражена благодарность Епархіальнаго Начальства по постановленію 28 сентября 1907 г за № 499.

Отъ Владикавказской Духовной Консисторіи.

«Въ виду приближенія времени высылки денегъ на выписку обязательнаго для духовенства епархіи и духовныхъ учреждений журнала «Церковныя Вѣдомости» на 1908 годъ, Консисторія проситъ выписывающихъ озаботиться присылкою денегъ на означенный предметъ».

Редакторъ официальной части Священникъ В. ТОПКИНЪ.

НЕОФФИЦИАЛЬНАЯ ЧАСТЬ.

Слѣдствіе о Емельянѣ.

(Одна изъ «злободневныхъ рѣчей станичнаго іерея».)

Когда глубже всматриваешься въ жизнь, то убѣждаешься, что она эта жизнь—есть именно сплошная борьба за существованіе. Но это бы еще ничего, а то вѣдь ненормально, что въ жизни всегда сила сильного силится пересилить силу сильнѣйшаго. Въ бытѣ же духовенства это особенно рельефно отображается. Мы, о.о. духовные, нерѣдко, не успѣвъ и не научившись еще новое свое длинное мангилье носить, какъ начинаемъ показывать свое пастырское „я“ такимъ великимъ, котораго до насъ какъ будто-бы и не видали.

Отецъ Егоръ былъ съ виду слѣдователь важный, знатокъ своихъ законовъ, но лѣнтяй. Онъ слѣдствія снималъ изъ кабинета. О. Курочкинъ (его звали Ермолаемъ) представлялъ совершенную отцу Егору противоположность: и на видъ онъ былъ невзраченъ, да ничего онъ и не зналъ. Чуть не съ школьной скамейки, какимъ-то чуднымъ образомъ, онъ занялъ мѣсто окружнаго слѣдователя, а потому и вообразилъ себя съ такими правами, о которыхъ не мечталъ и покойный генераль Павловъ. О. Курочкинъ одно время былъ недалекъ отъ словъ: Боже, тебѣ—небо, а мнѣ—земля! Архіерею—говорить—соборъ, а епархія—моя! Помню, волосы дыбомъ вставляли отъ его пріѣзда одного. Въ нашей захолустной станиченкѣ пугалъ народъ, вообще, всякій звонъ колокольцевъ, а о. Курочкинъ до нихъ охотникъ страшный былъ. Онъ ямщику всегда на чай давалъ, когда тотъ привязывалъ къ дугѣ по три колокольца. И вотъ, бывало, съ цѣлымъ перезвономъ, съ шумомъ ясы, съ гикомъ кучера и съ крикомъ: „тпру-у-у, ну-у-у, стой.“ такъ это форменно подѣдетъ онъ къ общественной квартирѣ. А въ Правленіи: кто это? что? Куда проѣхалъ?.. Съ которой стороны, откуда?.. Высказываются предположенія, являются догадки: то приставъ пролетѣлъ...—Да нѣтъ, самъ атаманъ Отдѣла, вишь три колокольца... Бѣжи... Встрѣчай... Скорѣй... А гдѣ помощникъ?.. Дежурный гдѣ?.. Суетня и бѣготня во всемъ Правленіи. Выбѣгаетъ писарь: ну, что? кто проѣхалъ? Да самъ „Отдѣлъ“... съ тремя колокольцами на дугѣ...—Да какой тамъ „Отдѣлъ?“ пояснилъ прибывшій и видѣвшій пассажира—казакъ. Колокольцовъ-то, правда три, да лошадей-то пара, а „Отдѣлъ“ развѣ на парѣ ѣздитъ?.. То не приставъ, не „Отдѣлъ“ а попъ какой-то, должно благочинный...—А ну, бѣжи, узнай!.. Скорѣй, скорѣй, бѣжи!.. Да шашку-то прицѣпи.

Далѣе сего я не буду продолжать характеристики о.о. Ермолая и Его-

ра, а познакомлю слушателя съ сутью дѣла: какъ слѣдствие велось и чѣмъ оно окончилось. Суть дѣла такова: въ метрикахъ сосѣдней церкви была неправильная запись. Было написано „Емельянъ“ вмѣсто „Уліанія“. Уліанѣ настало время за мужъ выходить, вотъ-вотъ черезъ недѣлю, а ее какъ Емельяна, не вѣнчаютъ, и пошло, конечно слѣдствие... формальное, да не черезъ причтъ, а черезъ слѣдователя. Полетѣли: указы, предписанія, рапорты, отношенія; потянули всѣхъ Емельяновъ и сродниковъ его, а Уліана — бѣдная—жди до Покрова... Отъ слѣдователя—причту: вслѣдствие указа духовной Консисторіи за № отъ 12 февраля 1900 года предписано мнѣ —духовному слѣдователю произвести формальное слѣдствие о Емельянѣ, въ метрическихъ книгахъ вѣреннѣйшей вамъ церкви неправильно записанномъ вмѣсто Іуліана. Увѣдомляя о семъ причтъ, предлагаю ему въ самомъ краткомъ времени дать мнѣ свѣдѣнія о крестившемъ Емельяна причтѣ.—Слѣдователю—отъ причта, 20 января 1901 года: вслѣдствие отношенія Вашего Высокоблагословенія отъ 15 сего января, честь имѣю увѣдомить васъ, что причтъ крестившій Іуліана во всемъ своемъ составѣ умеръ, о чемъ заявляя причтъ черезъ меня покорнѣйше доноситъ Вашему Высокоблагословенію.—Отъ слѣдователя—причту, 15 февраля 1901 г.: въ отношеніи своемъ отъ 20 января причтъ заявилъ мнѣ, что священникъ и псаломщикъ окрестившіе Емельяна и записавшіе его вмѣсто Уліана—умерли. Прошу причтъ немедленно же представить мнѣ метрическія выписки о смерти ихъ.—Слѣдователю—отъ причта, 10 марта 1901 г.: прилагая при семъ метрическую выписку о смерти псаломщика, причтъ симъ увѣдомляетъ, что о священникѣ представить метрику не можетъ, вслѣдствие того, что онъ—священникъ умеръ не у насъ и погребенъ онъ не на нашемъ кладбищѣ приходскомъ и собственно гдѣ похороненъ онъ—причту неизвѣстно.—Отъ слѣдователя—причту, мая 4 дня 901 г.: симъ причту предлагаю справки навести о священникѣ, крестившемъ Емельяна: гдѣ именно онъ умеръ и гдѣ погребенъ. Если же—не осталось родственниковъ послѣ него, или, просто, знающихъ его, то справиться у благочиннаго и о послѣдствіяхъ мнѣ сообщить при семъ же и немедленно.—Іюля 3 дня 901 г.: вслѣдствие отношенія Вашего Высокоблагословенія отъ 4 с. мая, честь имѣемъ Васъ увѣдомить: говорятъ одни изъ стариковъ, что священникъ тотъ крестившій Емельяна умеръ въ городѣ, въ больницѣ, а другіе утверждаютъ, что онъ на родичѣ скончался, третьи увѣряютъ, что онъ въ оградѣ нашей церкви погребенъ. Что послѣдняго не можетъ быть, то это дьякону извѣстно, а о прочемъ справку навести поручаю Вашему Благословенію.—Іюля 10 дня 1901 года: симъ вторично предлагаю причту справку навести и немедленно мнѣ донести, гдѣ именно священникъ окрестившій Емельяна,—огребенъ. Независимо сего прошу представить матрику и о Емельянѣ.—

Августа 8 дня 901 г: въ отвѣтъ на Ваше предписаніе отъ 10 іюля причть честь имѣть Вамъ сообщить, что въ прошломъ годѣ, въ Вашу бытность о престольномъ праздникѣ у насъ, метрику о Емельянѣ Вы сами лично взяли. Относительно же священника гдѣ собственно онъ умеръ и если Вашему Благословенію угодно, то соблаговолите справку сами навести у Благочиннаго.—Сентября 1 дня 901. Причту. Вслѣдствіе указа духовной Консисторіи, предлагающей мнѣ въ самой скорости покончить дѣло съ Емельяномъ, такъ какъ вторично поступило отъ Іуліаніи прошеніе о разрѣшеніи вступить ей въ бракъ подъ какимъ бы-то ни было именемъ, —прошу Васъ поторопиться выслать мнѣ метрическую выпись о Емельянѣ, неправильно записанномъ вмѣсто Іуліаны.—Отъ священника—слѣдователю, сентября 20 дня 901 г. Возвращая настоящее съ приложеніемъ вторичной метрики о Емельянѣ, честь имѣю сообщить Вашему Благословенію, что я и причть мнѣ ввѣренный ни мало не участны въ винѣ Вашего Благословенія медлящаго слѣдствіемъ и ведущаго одну лишь переписку. Симъ заявить считаемъ долгомъ Вамъ, что если и еще поступитъ требованіе выдать Вамъ метрику о Емельянѣ, то причть вынужденъ будетъ, съ своей стороны, какъ и родители Іуліаны, просить у Консисторіи разрѣшенія—не выдавать Вамъ болѣе метрическихъ выписей.—Отъ слѣдователя—священнику. Октября 27 дня. Симъ увѣдомляю Васъ, что на 1 ноября с./г.мною было назначено производство слѣдствія и допросъ свидѣтелей по дѣлу Емельяна, но по независимымъ отъ меня обстоятельствамъ, къ назначенному числу я не могу явиться, а посему слѣдственное сіе дѣло поручаю Вамъ произвести, назначивъ для сего число и день по собственному Вашему усмотрѣнію. При семъ прилагаю текстъ клятвеннаго обѣщанія и допросный листъ съ необходимыми документами по сему, каковыя, по окончаніи слѣдствія, прошу немедленно представить мнѣ для отсылки въ Консисторію, ибо послѣдняя вновь предлагаетъ мнѣ окончить это дѣло въ самомъ скоромъ времени.—Отъ священника—слѣдователю, января 5 дня 902 г. Вашему Благословенію честь имѣю сообщить, что вызывавшіеся на 15 декабря прошлаго года, по дѣлу Емельяна,—свидѣтели не явились, а родители, хотя и приходили, но не застали меня дома, ибо въ тотъ день, по непредвидѣннымъ обстоятельствамъ, я тоже былъ въ отлучкѣ. Вслѣдствіе сего настоящее слѣдственное дѣлопроизводство возвращая Вамъ, со всѣми къ нему приложеніями, обратно, убѣдительно Васъ прошу: впредь его мнѣ не навязывать, ибо дѣло сіе не мое, о Вашего благословенія.—Отъ слѣдователя—волостному Правленію, февраля 19 дня. Черезъ слѣдующія за симъ два воскресенія, въ понедѣльникъ, предлагаю волостному Правленію обязать лицъ въ семъ спискѣ поименованныхъ явиться ко мнѣ на домъ для допроса ихъ, въ качествѣ свѣдѣтелей, по дѣлу Емельяна, неправильно

записаннаго въ метрикахъ церкви вашей вмѣсто Іуліаны.—Отъ вол. Правленія—слѣдователю, марта 10 дня, 02 г. Господину духовному слѣдователю епархіи, Симъ волостное Правленіе извѣщаетъ Его благородіе господина слѣдователя, что помѣченныхъ въ спискѣ лицъ не оказалось дома. Родственники ихъ сказали, что они уѣхали на ярморку и пріѣдутъ не ранѣе какъ черезъ воскресенья два. Вызванная же родичья бабка пояснила, что она уже неоднократно ходила по разнымъ слѣдователямъ и все ихъ на дому не заставала и что на будущее время она отказывается ходить по слѣдователямъ, такъ какъ, говоритъ она, было время на то въ молодыхъ лѣтахъ, а теперь не тѣ и годы, чтобы этимъ заниматься, ибо отъ немощи старческой, говоритъ, я и дома едва брожу.—Указъ духовной Консисторіи, 15 марта 02 г. слѣдователю. Резолюціей Его Преосвященства, Преосвященнѣйшаго Епископа нашего отъ 12 сего марта, согласно Вашему прошенію, за переходомъ на службу въ иноепархіальное вѣдомство, Вы увольняетесь отъ должности слѣдователя, ввѣреннаго вамъ округа и вмѣстѣ съ тѣмъ предписывается Вамъ теперь же—неоконченныя вами слѣдственные дѣла—сдать священнику отцу Ермолаю Курочкину. О чемъ и дается Вамъ сей указъ для исполненія.—Отъ слѣдователя Курочкина священнику Мысленскому, 5 апр. 02 г. Симъ увѣдомляю Васъ, что по слѣдственному дѣлу Емельяна, не правильно записаннаго въ метрическихъ книгахъ вмѣсто Іуліаны, я прибылъ сего числа въ общественную квартиру, куда и предлагаю Вамъ немедленно и сейчасъ же явиться для приведенія свидѣтелей къ присягѣ.—Отъ свящ. Мысленскаго Курочкину, 5 апр. Надписью на семь же увѣдомляю Васъ, что привести Вашихъ свидѣтелей поручаю Вашему Благословенію. Священникъ Мысленскій.—Отъ Курочкина—свящ. Мысленскому, 5 апр. 02 г. Предлагаю Вамъ немедля же принести мнѣ крестъ, евангеліе и епитрахиль для привода свидѣтелей къ присягѣ и дать мнѣ при семь же свѣдѣнія о крестившемъ Емельяна причтѣ: 1) о священникѣ и такія же 2) о псаломщикѣ.—Отъ священника—слѣдователю Курочкину. Препровождая Ваше отношеніе увѣдомляю надписью на семь, что священникъ окрестившій Емельяна умеръ, умеръ и псаломщикъ, о чемъ неоднократно давались мною свѣдѣнія и прежнему слѣдователю отцу Егору.—Отъ Курочкина—Мысленскому. Въ виду того, что этихъ свѣдѣній лично я не получалъ, вторично дать ихъ мнѣ Вамъ предлагаю. Теперь же выслать мнѣ выписи о Емельянѣ и о причтѣ.—5 апр. Курочкину. Возвращая настоящее, вторично сообщаю Вамъ, что требуемыя свѣдѣнія были даваемы причтомъ и неоднократно слѣдователю свящ. о. Егору, тогда же были приложены и метрическія выписи о Емельянѣ и о причтѣ.—5 апр. Мысленскому. Считаю долгомъ заявить, что по сообщенію прежняго слѣдователя метрическія выписи по сему дѣлу имъ утеряны. Вслѣдствіе

сего просьбу относительно выписей я повторяю вновь. Прошу также не задерживать насъ присылкою креста, евангелія и епитрахили.—5 апр. Курочкину съ приложеніемъ метрику, частное письмо. Симъ считаю долгомъ и я вамъ заявить, что присылкою Св. креста мы васъ ничуть не задержали, хотя по праву настоятеля своей приходской церкви мы вамъ могли бы и вовсе не присылать Его, а посоветовать вамъ приводить свидѣтелей къ присягѣ въ храмѣ, который подѣ бокомъ у васъ—это во первыхъ. Во-вторыхъ: въ неограниченномъ числѣ мы не обязаны вамъ выдавать и метрику, не зная хорошо, кто вы и откуда вы понаѣзжали къ намъ. Что же касается понуканія на причтъ, то ваше слѣдовательство вамъ право не даетъ на это. Советуемъ не забывать, что поставляющей „слѣдователей“ имѣетъ право ихъ и низлагать и сіе послѣднее легко могло случиться бы, если бы того мы пожелали, донеся на Васъ владыкѣ. Однако, зная вашу совершенную невѣжливость, сіе мы вамъ прощаемъ все, но лишь до будущаго раза. Съ почтеніемъ священникъ Мысленскій.—Священнику Мысленскому отъ Курочкина отвѣтъ на клочкѣ бумажки: »Судя по вашему письму вы не Мысленскій, а «Осламысленскій»... Съ почтеніемъ Курочкинъ.—5 апр. Отвѣтъ Курочкину на оборотѣ же его клочка: «Судя по вашему отвѣту, вы—, о, слѣдователь,—не Курочкинъ и не Пѣтуховъ, а суцій „Индошкинъ“.. Съ почтеніемъ Мысленскій.

— Такъ кончилось печально слѣдствіе о Емельянкѣ. Описывая „своихъ“, мы сквозь слезы посмѣялись горькой правдѣ. Не время-ли намъ измѣниться? Не время-ли солидарными быть? Не время-ли стать намъ на Христову дорогу братскихъ отношеній! Не время-ли и лишнюю формалистику изгнать?

Читателю, навѣрно, интересно знать, что случилось съ лицами?.. Отецъ Егоръ и Мысленскій уѣхали, не знаю гдѣ, и живы-ли... Ермолай Курочкинъ уже устарѣлъ, а Ульяша замужъ вышла. Свидѣтели, по настоящему, и до сихъ не допрошены....

«Да исправится... (Тріо)».

Это было давно и въ епархіи, гдѣ „управящимъ“ въ ту пору состоялъ Епископъ Иліодоръ Преосвященный Иліодоръ, какъ администраторъ, вообще былъ человекъ мягкій, доступный, но тонкій и дальновидный: отъ его наблюдательнаго глаза, кажется, ничто нигдѣ и никогда не ускользало. Разъ онъ увидитъ человека, броситъ на него, какъ будто, мимолетный взглядъ, но всего насквозь пронизетъ и затѣмъ уже составляетъ о немъ то или иное мнѣніе—и боьшею частью безошибочное. И тутъ уже никто его не разубѣдитъ. Обладая этими рѣдкими качествами, Преосвященный Иліодоръ былъ и большой психологъ. Поэтому, у него былъ и особенный

пріемъ „воздѣйствія“ на паству. Онъ, напр., рѣдко наказываль виновныхъ, а чаще всего даваль имъ „наглядные“ уроки, при чемъ темой для такихъ уроковъ умѣль выбирать самыя „чувствительныя“ мѣста каждаго. И уроки эти вполнѣ достигали свой цѣли: они доводили виновныхъ не только до полного раскаянія, но часто и до искреннихъ слезъ. Само собою, уроки эти были весьма вразумительны и для прочихъ. Особенные же тактъ и дальновидность выказываль Преосвященный Иліодоръ по отношенію къ ссорящимся...

Расскажу про случай, бывшій съ причтомъ села Большая-Раздоровка. Этому селу, какъ говорится, совсѣмъ не везло. Причтъ его состоявшій изъ священника, штатнаго діакона и псаломщика, вѣчно ссорился между собою. Преосвященный пробоваль уже назначать туда родственниковъ, вопреки даже принятому обычаю, но это не только не помогало, а еще хуже выходило.

— Просто хотъ ходатайствуй о переименованіи „Большой-Раздоровки“ въ какую-нибудь „Миролюбовку“ или „Спокойновку“,—жаловался кому-то Преосвященный. Наконецъ еще недавно консисторія раскассировала весь причтъ названнаго прихода, а туда выбрала самыхъ мирныхъ людей въ епархіи. Теперь-то, думала она, настанетъ миръ и спокойствіе въ Большой-Раздоровкѣ. Но ничуть не бывало: на первыхъ порахъ новые члены причта твердо помнили причину перевода ихъ предшественниковъ и воздерживались, по крайней мѣрѣ, отъ болѣе крупныхъ ссоръ, но потомъ все это мало-по-малу улетучивалось изъ ихъ памяти, а поводовъ къ ссорѣ накоплялось все больше. Собственно ссорились между собою священникъ и діаконъ, а псаломщикъ лишь подливаль, какъ говорится, масла въ огонь: въ глаза онъ держаль руку священника, а за глаза—діакона, однимъ словомъ,—лавироваль, но такъ неумѣло, что со стороны казалося, что онъ не только ссорить священника съ діаконемъ, но украдкой и самъ ссорится съ каждымъ изъ нихъ. Дошло дѣло до консисторіи, а потомъ и до Владыки. И теперь рѣшилъ онъ прекратить ссору въ самомъ корнѣ. На этотъ разъ онъ придумаль новую мѣру „примиренія“. Прежде всего онъ велѣлъ своей канцеляріи запросить „конфиденціально“ мѣстнаго благочиннаго: кто изъ членовъ причта села Большая-Раздоровка поетъ и у кого какой голосъ. Благочинный, недоумѣвая, въ чемъ дѣло, безъ замедленія „почтительнѣйше“ донесъ архіерейской канцеляріи, что у священника второй теноръ, у діакона сочный басъ, а у псаломщика первый теноръ и всѣ трое поють „довольно хорошо“, при чемъ на счетъ діакона, какъ своего ближайшаго родственника, прибавилъ: „и можетъ управлять хоромъ“.

— Гм... какъ-разъ кстати... соображалъ что-то Владыка, прочитавъ

донесеніе благочиннаго, и немедленно же вызвать къ себѣ всѣхъ трехъ членовъ названнаго причта.

Хотя запросъ благочинному сдѣланъ былъ и «конфиденціально», но его содержаніе скоро стало извѣстно всему благочинію и конечно, причту Большой-Раздоровки. И каждый членъ причта объяснялъ по своему «гвинственный запросъ.»

— Интересно, что „онъ“ думаетъ сдѣлать съ моимъ басомъ?! выражалъ діаконъ недоумѣніе своей женѣ, придавши на этотъ разъ еще больше сочности своему басу.—Можетъ быть, мѣтитъ въ каѳедральные діаконы! Го-го-го!... Согласенъ... Не дурно было-бы,—мечталъ сочный басъ.—А можетъ быть,—въ протод.. но тутъ онъ самъ себя сконфузилъ и не докончилъ столь заманчиваго слова.

— Понимаю, зачѣмъ нуженъ „ему“ басъ діакона, да еще такой басъ: можетъ перевести въ какой-нибудь соборъ, даже и въ каѳедральный... А мой теноръ—куда нуженъ?—Во діаконы?—Не принято. Въ архіерейскіе пѣвчіе?—Самъ не хочу... Въ иподіаконы развѣ?—Было-бъ интересно и даже желательно. Не житье, а масляница; куда Владыка, туда и я, что онъ съѣстъ, того и я попробую, а почетъ и уваженіе какіе!... А ужъ такъ бы выкрикнулъ: „повели, повелите, повели“ или: „аксіось, аксіось, аксіось“, что и Андрюшка! не снилось,—разсуждалъ псаломщикъ.—Да, вотъ тебѣ и Андрюшка!.. Повезло человѣку: изъ келейниковъ—въ иподіаконы попалъ, а скоро и въ священники вышелъ. А я чѣмъ хуже теперешняго о. Андрея, да и тенорами еще помѣрялись бы...

Въ то время, какъ догадки діакона и псаломщика были въ мажорномъ тонѣ и иногда переходили даже въ розовыя мечты, священникъ, какъ говорится, повѣсилъ носъ на квинту.

— Понимаю—діакона и псаломщика,—разсуждалъ онъ: голоса для нихъ первое дѣло, они часто выводятъ неучей въ люди. Но зачѣмъ Владыкѣ нужны мой голосъ и мое пѣніе?!—Не понимаю... Зачѣмъ? приунылъ священникъ.—А затѣмъ, чтобъ низвести во псаломщики: дескать въ состояніи-ли онъ будетъ исполнять обязанности псаломщика.—Ну что-жъ—въ состояніи... Что будетъ, то будетъ! рѣшилъ онъ съ горечью въ сердцѣ.

Наконецъ, полученъ чрезъ благочиннаго и самый «вызовъ». Забилося сердце каждаго, а въ головѣ все ярче и ярче вырисовывались ихъ недавнія догадки. Явились. Келейный позвалъ всѣхъ сразу. Настоятель, конечно, шелъ впереди, діаконъ—на два шага сзади, а псаломщикъ—еще на шагъ сзади. Въ такомъ же порядкѣ и на такой-же дистанціи стали они и въ пріемной. Преосвященный велѣлъ имъ стать рядомъ, при чемъ діаконъ занялъ мѣсто лѣвѣе священника, а псаломщикъ—лѣвѣе діакона.

— Ну, что тамъ у васъ за ссоры? спрашиваетъ Владыка, обращаясь ко всѣмъ вмѣстѣ.

— Непослушаніе, Преосвященнѣйшій Владыко! первымъ началъ священникъ, дѣлая поясной поклонъ, съ «добавленіемъ» правой руки, ладонь которой коснулась полу.

— Помню, помню,—замѣтилъ Владыка.

— Притѣсненіе, Ваше Преосвященство! не вытерпѣлъ діаконъ, тоже кланяясь въ поясъ, но безъ «дополненія».

— И это помню...

Псаломщикъ молчалъ. Но, при словѣ «притѣсненіе» онъ также, и повидимому, машинально поклонился въ унисонъ съ діакономъ. Поклонъ псаломщика не ускользнулъ отъ его настоятеля, на лицѣ котораго въ эту минуту не трудно было прочесть: «А, значить, и ты, голубчикъ!»...

— Не хорошо, не хорошо,—замѣтилъ Владыка.—Вы должны знать, что всѣ мы временные гости въ семь мірѣ, дѣти небеснаго Отца и слуги Царя. А какой гостепріимный хозяинъ позволить гостямъ ссориться въ его домѣ, какой отецъ, истинно любящій своихъ дѣтей, будетъ равнодушно смотрѣть на ихъ ссору, наконецъ, какой благоразумный хозяинъ потерпитъ ссору своихъ слугъ! Итакъ, вы, какъ гости сего міра, дѣти одного Отца и слуги одного Царя, должны жить въ мирѣ и любви. Вы же, іерей Бога Вышняго и благоговѣйный діаконъ, вмѣстѣ стоите у святаго Престола, вмѣстѣ приносите Безкровную Жертву—и вамъ особенно твердо нужно памятовать заповѣдь Христову: «аще убо принесеши даръ твой ко олтарю и ту помянеши, яко брагъ твой имать нѣчто на тя: остави ту даръ твой предъ алтаремъ и, шедъ, прежде примирился съ братомъ твоимъ и тогда, пришедъ, принеси даръ твой». И много, много еще говорилъ Владыка въ назиданіе ссорящимся, которые, въ отвѣтъ на его слова, низко кланялись ему, какъ каждый отдѣльно, такъ и всѣ вмѣстѣ.

— А теперь я посмотрю, насколько далеко зашла ваша ссора и насколько вы будете въ силахъ согласоваться между собою, чтобы жить потомъ въ мирѣ и спокойствіи. — Вы всѣ поете? спросилъ Владыка.

— Всѣ—отвѣтилъ настоятель, дѣлая поясной поклонъ, какой сдѣлали и остальные члены причта.

— Это хорошо; такъ и слѣдуетъ,—добавилъ Владыка, Всѣ опять поклонились.

— А часто вамъ приходится пѣть всѣмъ вмѣстѣ? испробовывалъ Владыка не безъ задней цѣли.

Старшіе члены причта стыдливо молчали, ясно сознавая, что они всячески избѣгали не только общаго но и общихъ разговоровъ. Псаломщику же, хотя и приходилось пѣть съ каждымъ изъ нихъ отдѣльно, но и онъ, на вопросъ Владыки, предпочелъ благоразумно молчать.

— То-то,—соображалъ что-то Владыка.

При этотъ онъ направился во внутренніе покои, вынесъ оттуда обиходъ и камертонъ и положилъ ихъ на столъ.

„Такъ и есть, что будетъ голоса пробовать“,—подумаль каждый, при видѣ этихъ атрибутовъ. И сердце замерло у каждаго,—тѣмъ болѣе, что Епископъ Иліодоръ былъ знатокъ церковнаго пѣнія, а во время оно, будучи студентомъ, управлялъ даже академическимъ хоромъ.

— Вотъ вамъ обиходъ и камертонъ.. Пропойте мнѣ обиходное „Да исправится“—тріо... Какіе тутъ нужны голоса?

И причтъ ощими силами дошелъ, что, для исполненія этого, „тріо“ взрослыми, обыкновенно требуются: первый и второй теноръ и басъ.

— Вѣрно,—одобрилъ Владыка. Пропойте!

При послѣднемъ словѣ, каждый косо поглядывалъ на обиходъ съ камертономъ, боясь прикоснуться къ нимъ.

— Ну, ты, псаломѣвецъ, найди „Да исправится“—,приказаль Владыка.

Псаломщикъ дрожащей рукой взялъ обиходъ и отъ страха едва нашель требуемое мѣсто, перелиставъ книгу нѣсколько разъ отъ начала до конца и обратно.

— А кто же тонъ задасть?—Діаконъ, кажется, мастеръ сего дѣла,—припомнилъ Владыка донесеніе благочиннаго. — Пусть онъ задасть.

Діаконъ какъ-то нерѣшительно взялъ со стола камертонъ. Затѣмъ размѣстились, какъ обыкновенно принято: басъ съ камертономъ въ рукахъ, сталъ посрединѣ, а остальные по бокамъ. Діаконъ, стѣсняясь нажать зубами архіерейскій камертонъ, что всегда онъ дѣлалъ, управляя хоромъ, такъ усердно ударилъ имъ объ „щиколотку“, что даже кожу снесъ. Въ первый разъ тонъ вышелъ неудачный, во второй—тоже и только за третьимъ разомъ получилось что-то похожее на тонъ. Діаконъ съ радостью подхватилъ его и въ звукахъ „до-до-до“ разнесъ по голосамъ, обернувшись сперва къ священнику, потомъ къ псаломщику. Раздалось общее „Да“.. но такое „да“, что даже и Преосвященный, при всемъ его терпѣніи, сильно поморщился: самъ діаконъ взялъ на полтона ниже, священникъ на цѣлый тонъ ниже, а псаломщикъ тонемъ выше.

— Безъ приготовленія трудно, Преосвященнѣйшій Владыко! не выдержалъ священникъ, низко кланяясь; остальные, въ знакъ согласія, тоже поклонились.

— Слышу, слышу... И не только слышу, но и чувствую,—охотно согласился Владыка.—Въ раздорѣ жили, голосами не приспособились, оттого и пѣніе раздорное выходитъ,—прибавилъ онъ.—Такъ сперва спойтесь, а я потомъ прослушаю.

И съ этими словами Владыка снова отправился во внутренніе покои

Началась «репетиція». Долго дѣло не клеилось. Наконецъ, какъ будто пошло на ладъ. Первый стихъ прошелъ болѣе или менѣе гладко, второй— „Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ“—гораздо хуже. Но особенно трудно давалось «Не уклони сердце мое въ словеса лукавствія, нещевати вины о грѣсѣхъ». Долго пришлось потѣть о. діакону, пока онъ наладилъ импровизированное „тріо“. Пока шла „репетиція“, Преосвященный позвалъ одного изъ своихъ хористовъ, любителя—фотографа, и велѣлъ ему снятъ incognito, во время пѣнія, злополучное „тріо“ и приготовить ему три кабинетныя карточки. Наконецъ, показался въ пріемной и Преосвященный.

— Готовы?

— Готовы, Ваше Преосвященство! нерѣшительно отвѣтилъ діаконъ.

— Начинайте!..

Діаконъ снова ударилъ камертономъ, но уже о другую „щиколотку“, и, какъ прежде, задалъ тонъ сперва священнику, потомъ псаломщику. И архіерейская пріемная огласилась далеко нестройнымъ пѣніемъ—хотя и сильныхъ голосовъ. И теперь, какъ и на „репетиціи“, особенно плохо удалось „Положи, Господи, храненіе устамъ моимъ“ и еще хуже— „нещевати вины о грѣсѣхъ“, передъ которымъ послѣдовала даже непредвидѣнная замѣшка. Либитель-фотографъ, примостившись incognito гдѣ-то въ гостинной, воспользовался этой заминкой—и какъ разъ передъ „нещевати вины“ аппаратъ щелкнулъ...

— Да, голоса есть, и хорошіе голоса, но плохо, что вы все ссорились, такъ что, пожалуй, и „Господи, помилуй“ не споете согласно,— замѣтилъ Преосвященный.—Но все-жъ, слава Богу, теперь немного спѣлись... А когда будете жить въ мирѣ и согласіи, тогда не только ваше пѣніе, но и всякое другое дѣло будетъ у васъ спориться, прибавилъ Владыка. Въ знакъ того, что все эго принято „къ свѣдѣнію и должному исполненію“, послѣдовало сразу три низкихъ поклона.

— Теперь идите съ миромъ, да больше не ссорьтесь! отпустилъ Владыка импровизированныхъ „пѣвцовъ“, давая имъ послѣднее благословеніе.

„Пѣвцы“ вышли изъ пріемной, словно изъ бани,—красные, какъ раки. Ко времени ихъ выхода, въ переднюю высыпали всѣ келейные и пѣвчіе, между которыми былъ и любитель фотографъ, высыпали посмотреть злополучное „тріо“ и всѣ они лукаво улыбались. Послѣ такого „Да исправится“ хоть кто исправится,—думалъ священникъ, оставляя архіерейскій домъ.—А тутъ еще вся архіерейская челядь высыпала... Не успѣли импровизированные „пѣвцы“ вернуться въ свою Большую-Раздоровку, какъ уже по всему селу разнесся слухъ о томъ, какъ они пѣли у архіерея „тріо“, при чемъ нѣкоторыя частности варіировались на разные лады.

— Уже „трио“ приѣхало,—передавалось изъ устъ въ уста въ селѣ Раздоровкѣ, когда причтъ вернулся домой.

Спустя двѣ недѣли, въ Большую-Раздоровку пришло три казенныхъ пакета изъ канцеляріи Его Преосвященства—на имя священника, діакона и псаломщика. Священникъ, до сихъ поръ получавшій казенные пакеты только отъ благочиннаго, земскаго начальника и становаго, теперь и польщенъ былъ такой небывалой „корреспонденціей“ и сильно боялся—не сокрыто ли въ ней что-нибудь непріятное. Оказывается, что въ конвертъ вложено что-то большое и толстое, на подобіе кабинетной фотографической карточки.

— Смотри, мать! позвать священникъ жену,—и въ правду, нашъ Владыка благостный.—Я тебѣ говорилъ, какъ онъ обошелся съ нами ласково—даже стыдно было... А теперь, смотри, еще и карточку прислалъ. „Мать“ въ это время была въ кухнѣ. Она бросила, какъ говорится, „печене и варене“ и поспѣшила на зовъ мужа.

— И правда—карточка,—согласилась и она, бережно ощупывая пакетъ.

Чтобы какъ-нибудь не повредить рѣдкаго подарка, „отецъ“ сперва тщательно ощупалъ всѣ края конверта, нашелъ болѣе свободный изъ нихъ и потомъ уже бережно обрѣзалъ ножницами самый краешекъ конверта. Оказалась, дѣйствительно, кабинетная фотографическая карточка, завернутая нѣсколько разъ въ папиросную бумагу.

— А какая предосторожность!... Это, чтобъ на почтѣ штемпелемъ не испортили,—въ одинъ голосъ рѣшили „отецъ“ и „мать“.

Тщательно развертывая папиросную бумагу, „отецъ“ въ оба смотрѣлъ, не вложена ли тамъ гдѣ-нибудь и „препроводительная“ бумага, а „мать“ взглянула даже на полъ—не выпало-ли что-нибудь изъ конверта. Но, кромѣ карточки, нигдѣ и ничего не оказалось. Когда „отецъ“ развертывалъ бумагу, то прежде всего попалась на глаза обратная сторона карточки.

— Ну, что-бы стоило „ему“ и надпись сдѣлать, а то подумаютъ, что самъ купилъ! слегка досадовалъ священникъ.

— Недоставало, чтобъ „онъ“ еще и посвящение тебѣ сдѣлалъ,—замѣтила жена. И за такое высокое вниманіе скажи „спасибо“.

— Конечно,—спасибо,—согласился мужъ.—А интересно—таковъ ли, какъ мы его недавно видѣли,—съ благоговѣніемъ поворачивалъ онъ карточку лицевой стороной къ себѣ, закрывая ее отъ жены, чтобъ самому раньше увидѣть.

— О, ужасъ!... Можно ли? воскликнулъ онъ, видя передъ собою злополучное „трио“.

— Вотъ, такъ-такъ! догадывалась и жена, въ чемъ дѣло, пристально всматриваясь въ бѣлый крестъ, такъ отчетливо вырисовывающійся на груди мужа.—А замѣчательно, какъ всѣ похожи... Жаль только, что ты не сталъ по срединѣ—оно съ крестомъ и подобало бы, а то діаконъ, да еще съ камертономъ,—досадовала жена.

— Пойди-ка станы!... Вотъ тебѣ и благодный Владыка!... Чего добраго разошлетъ еще по всѣмъ церквамъ епархіи, вмѣсто „назидательной“ брошюры...

— А ты думаешь!... конечно—разошлетъ для назиданія,—назиданія—подтвердила и жена неутѣшительную догадку мужа.

— А все-же, спасибо ему... Это все-таки лучше, чѣмъ если бы послалъ въ какое-нибудь село Гусиное, которымъ вѣчно пугаетъ нашъ уѣздный протоірей подвѣдомыхъ священниковъ,—далеко неискренно утѣшаль себя священникъ.—Понимаешь, никого и близко не было—и вдругъ... Неужели самъ Владыка такой искусникъ!...

— Куда-бъ ее „приткнуть“! недоумѣвалъ владѣлецъ карточки, не желая, очевидно, помѣщать ее въ общій альбомъ.

Въ это самое время и въ домѣ діакона испытывали тѣже самыя чувства. Но діаконъ, польщенный тѣмъ, что именно онъ стоитъ въ срединѣ и задаетъ тонъ не только псаломщику, но и настоятелю, особенно занялся вопросомъ: въ какой же это моментъ снята карточка?—И рѣшилъ, что какъ разъ передъ „непщевати вина“... Но какъ-бы ее наилучше „сохранигъ“, заботился діаконъ, не имѣя альбома.

Псаломщикъ отнесся къ такому неожиданному „сюрпризу“ гораздо хладнокровнѣе. Увидѣвши знакомое „тріо“, онъ, какъ одинокій, самъ себѣ расхохотался, снова завернулъ карточку въ папиросную бумагу, бережно положилъ „на память“ въ часословъ и затѣмъ не безъ злорадства подумалъ:

— Попались, голубчики!... Мое дило, якъ кажутъ, мырошнецьке: пидкруты—тай сядь.

Хотя Епископъ Иліодоръ велѣлъ либителю-фотографу приготовить *только* три карточки.—собственно для „тріо“ и потомъ уничтожить негативъ,—но онъ приготовилъ ихъ больше и, на всякій случай, сохранилъ негативъ. Такъ что злополучное „тріо“ скоро начало ходить по рукамъ почти по всей епархіи. Видя его, многіе задумывались, какъ-бы и съ ними не случилось что-либо подобное. Боялись не только тѣ причты, изъ которыхъ могло состояться „тріо“, но и тѣ, которые составляли „дуэтъ“. Боялись не только „поющіе“, но и совсѣмъ безголосые, такъ какъ фотографическій аппаратъ одинаково можетъ запечатлѣть какъ тѣхъ, такъ и другихъ.

Между тѣмъ члены Больше-Раздоровскаго причта каждый разъ, посматривая на „трію“, чувствовали себя неловко: имъ стыдно было за себя и совѣстно передъ Владыкою. И каждый изъ нихъ въ душѣ не прочь былъ доказать, если и не Владыкѣ, то, по крайней мѣрѣ, самому себѣ, что онъ въ состояннн. какъ должно, провести свою партію въ этомъ „трію“,—нужно только хорошенько „спѣться“. „Для этого стоитъ даже примириться,“ думалъ каждый изъ нихъ. И примиреніе состоялось—и при томъ самымъ естественнымъ образомъ..

Псаломщикъ, подливавшій масла въ огонь, первый „не выдержаль“ и какъ-то „запросто“ пришелъ къ діакону.

— А я къ вамъ запросто, о. діаконъ—свободны?

— Милости прошу, Василиій Григорьевичъ!—Свободенъ.—Что хорошенькаго скажете?

— Да просто... Я такъ себѣ... Ничего особеннаго,—не зналъ съ чего начать псаломщикъ.

Произошла та томительная пауза, которая часто происходятъ въ подобныхъ случаяхъ. При этомъ каждый изъ нихъ думалъ и чувствовалъ одно и тоже, но какъ оба они достаточно изощрились во „внутренней политикѣ“, то каждому изъ нихъ и не хотѣлось первому подать руку примиренія.

— А каковъ-то нашъ Владыка! наконецъ, началъ издалека псаломщикъ.—Какую подвелъ машину...

— Находчивъ, что и говорить,—согласился діаконъ.

Опять пауза, хотя и менѣе томительная...

— А карточки-то! напомнилъ псаломщикъ.

И тутъ оба они расхохотались.

— Какъ посмотришь на наше „трію,“ такъ и ссориться больше не тянетъ,—продолжалъ псаломщикъ.

Изъ этихъ словъ діаконъ ясно усмотрѣлъ, что псаломщикъ пришелъ собственно помириться съ нимъ и поспѣшилъ ему на встрѣчу.

— Да собственно, какъ вникнешь въ дѣло, да утихомиришь бушующія страсти, то Владыка и правъ: не такъ теперь продолжительна жизнь человѣческая, чтобъ коротать ее въ ссорѣ,—разсуждалъ діаконъ.—Да кстати, я давно уже любовался на архіерейскій подарокъ.

И хозяинъ дома поспѣшно направился въ сосѣднюю комнату и вынесъ оттуда „трію“.

— Да и я „свою“ захватилъ...

— Совершенно одинаковы, какъ двѣ капли воды,—въ одинъ голосъ рѣшили они, разсматривая обѣ карточки.

На благодушную бесѣду явилась и жена діакона. Она тоже всматри-

валась въ обѣ карточки. И какъ женщина вообще мирная, видимо, радовалась благодушію собесѣдниковъ.

— А ну-ка, дяконыха, дай намъ мировую! началъ діаконъ „на чистоту“.—Нечего въ жмурки играть.—Сердце иного просить... Да тараньку очисти, какая получше.

И „дяконыха“, желая скорѣе закрѣпить „миръ“, въ одну минуту поставила на столъ „листовку“, а потомъ подала и „черноморку“ съ лукомъ.

— Такъ бы и давно, а то ждали, пока самъ Архіерей не помыне,— замѣтила она она, чокаясь съ бывшими врагами.

Часа два-три прошли, какъ одна минута. Діаконъ съ псаломщикомъ припоминали разныя частности своего пребыванія у архіерея, шутили, смѣялись, а хозяйка дома слегка подтрунивала надъ ними.

— Такъ це ще не вся мырова, треба-жь... не договорила она.

— Що треба? недоумѣвалъ хозяинъ, предполагая, что она еще хочеть чѣмъ-нибудь угостить.

— Самы не знаете, що треба... Такъ подывитесь на ту картунку... Тамъ васъ же трое...

— Да, и это можно,—догадался діаконъ.—Какъ ни-какъ, а нашъ о. Терентій еще ничего себѣ, батюшка.—Какъ вы думаете, Василій Григорьевичъ?

— Что-жь, завтра, послѣ служенія, и къ нему можно, если не случится какая треба,—какъ разъ въ тактъ попалъ псаломщикъ.— Выгонить-не выгонить, а спросъ не бѣда...

Такъ они и рѣшили.

На другой день, послѣ служенія, діаконъ и псаломщикъ, съ замираніемъ сердца, подошли къ калиткѣ священническаго двора. На этотъ разъ даже и Полканъ встрѣтилъ ихъ уже болѣе дружелюбно, чѣмъ какъ встрѣчалъ раньше. Но все же сердце замирало у обоихъ. Главное—безъ всякаго предлога, какъ-будто—въ гости. Проходятъ, разумѣется, чрезъ кухню. Доложили.

— Треба какая? удивился о. Терентій, обдѣляя благословеніемъ.

— Нѣтъ... такъ... неофициально... по доброй волѣ,—нерѣшительно и въ перемѣшку докладывали оба.

— Милости прошу... садитесь.

Опять томительная пауза, какая еще вчера замѣчалась у діакона.

— Не слышали ли какихъ распоряженій свыше, о. Терентій? началъ издалека діаконъ.

— Чего-нибудь изъ консисторіи? нѣсколько проще поставилъ вопросъ псаломщикъ.

— Что-жъ будетъ слышно?—Владыка же прямо сказалъ: „идите съ миромъ,—да не ссорьтесь!“ Ну, мы и пошли съ миромъ—и до котораго часу не ссоримся,—добродушно замѣтилъ о. Терентій

— Да дай Богъ, чтобъ и не ссориться,—вставилъ діаконъ.

При этомъ псаломщикъ, въ знакъ согласія, немного привсталъ съ стула и слегка поклонился священнику.

Тутъ священникъ ясно понималъ, зачѣмъ и по какой „доброй волѣ“ пришли къ нему діаконъ съ псаломщикомъ. И ему какъ-то стало легче на душѣ и на сердцѣ.

— Да, милосердный нашъ Владыка: хоть долго мучилъ, зато и помиловалъ... Послѣ этого и ссориться какъ-то совѣстно,—сознался настоятель.

Входитъ матушка. „Неофициальные“ посѣтители почтительно поздоровались съ нею и она любезно отвѣтила имъ.

— Что-жъ, мать!.. Пришли мириться... Соловья баснями не кормятъ... Да и часъ архіерейскій,—замѣтилъ о. Терентій. И правда, какъ разъ въ эту пору о. діаконъ налаживалъ наше „тріо“,—прибавилъ онъ съ улыбкою.

Гости тоже улыбнулись.

— Закусить бы дала чего...

Хотя гости и отказывались отъ закуски, но они въ душѣ чувствовали, что еще ничего „не сдѣлано“, а потому и не торопились уходить. Скоро былъ накрытъ столъ и на немъ появились: тарань, селедка и даже свѣжіе огурцы, а по срединѣ и „та, что лечитъ отъ всѣхъ недуговъ“.

— Еще не такъ, еще не все! что-то припомнилъ о. Терентій.—Надо-жъ и дяконыху попросить.—Дома Ксенія Антоновна? спросилъ онъ діакона. И на отвѣтъ „дома“, послалъ за ней. Явилась и „дяконыха“. Домъ о. Терентія никогда не видѣлъ у себя такого рѣдкаго собранія. Любо было смотрѣть, даже со стороны, на ту простоту и искренность, какая теперь царила среди причта Большой-Раздоровки. Даже и псаломщикъ, еще такъ недавно „лабировавший“ между священникомъ и діаконѣмъ, теперь былъ тронутъ до глубины души и даже каялся въ своемъ поступкѣ.

— А не спѣтъ ли намъ „тріо“, господа? шутилъ о. Терентій.

— Не мѣшаетъ,—поддержала его и матушка.

— Только «Да исправится» оставимъ на великій постъ а теперь что-нибудь другое, самое что ни на есть подходящее—добавилъ о. Терентій

И всѣ задумались, что бы спѣтъ такое.

— Хорошую вещицу слышалъ я когда-то у Кропивницкаго, когда былъ еще свѣтскимъ,—припомнилъ діаконъ.—Она и не слишкомъ свѣтская и къ намъ какъ разъ подходитъ.

— Должно быть—изъ „Наталкы-Полтавки?“ догадывался о. Терентій.

— Можетъ быть—«Де згода въ семействи»,—подхватили псаломщикъ.

— Вотъ, вотъ, вотъ... Хорошая вещь... А нуте-ка! Только тутъ нужны и женскіе голоса... Еслибъ и попадья съ дяконыхою помогли,—командовалъ о. Терентій, заранѣе приспособляя свой языкъ къ «Наталкѣ-Полтавкѣ».

— Послушаемъ, та тоди и поможемо, согласилась матушка.

— А нуте, о. діаконъ, берить архіерейскій камертонъ, та задайте намъ добренько тонъ,—смѣялся о. Терентій.

И домъ Больше-Раздоровскаго священника впервые огласился прекраснымъ пѣніемъ не менѣе прекраснаго по содержанію такого мѣста изъ «Наталки-Полтавки»:

«Де згода въ семействи, де мырь и тышына,

Щасльви тамъ люде, блаженна сторона:

Ихъ Богъ благословляе,

Добро имъ посылае

И зъ ними вѣкъ живе,

И зъ ними вѣкъ живе»...

— Такъ-бы и давно,—не скрыла своего умиленія матушка.—А нуте—ще разъ!—Поможемъ и мы имъ, Ксенія Антоновна.

И, благодаря женскимъ голосамъ, пѣніе вышло еще лучше.

— Оце такъ-такъ, полюдски,—слышалось въ кухнѣ, гдѣ, кромѣ прислуги, собрались и церковные сторожа—послушать и посмотрѣть, какъ мирится «причетъ церковный».—А то грызутся, Господы просты, якъ ти.., ажъ стыдно було за ихъ,—слышался чей то голосъ «по секрету».

Послѣ этой «мирозой», наличные члены Больше-Раздоровскаго причта смѣло могли сказать хотъ самому Владыкѣ Иліодору, что они теперь помирились—и не только «за страхъ, но и за совѣсть». И этотъ миръ никогда уже ими не нарушался...

— А все спасибо Преосвященному Епископу Иліодору! въ душѣ думалъ каждый изъ нихъ.

Однимъ словомъ, урокъ вышелъ довольно вразумительный!.. Послѣ него начали «спѣваться» въ епархіи даже и тѣ, которые по нѣсколько лѣтъ не смотрѣли другъ другу въ глаза.

Епископа Иліодора уже давно и на свѣтѣ нѣтъ, мѣсто его занимаетъ уже третій «правящій», но память о немъ какъ о мягкомъ и дальновидномъ администраторѣ, равно и о Больше-Раздоровскомъ „трио“ и теперь еще ходять по рукамъ—и не только въ той епархіи, гдѣ все это случилось, но и сосѣднихъ съ ней, въ томъ числѣ и Полтавской... (Полтавск. Епарх. вѣдом.).

Въ горахъ Кавказа.

Я много слышалъ про Кавказъ.
Я слышалъ то, что вижу теперь самъ,
Послушайте, прошу я васъ,
Что въ самомъ дѣлѣ чудно тамъ.
Тамъ я видѣлъ дивны горы.
Вершины ихъ на небесахъ.
Онѣга на нихъ бѣлѣе волны.
При блескѣ солнца въ высотахъ.

Начало Трека видѣлъ я,
То мѣсто, гдѣ его рожденье,
Гдѣ «пять братьевъ», горь семья
Приведеть васъ въ восхищенье;
Гдѣ пропасти зіяютъ,
Гдѣ скалы путь загромождаютъ,
Гдѣ смерть въ рукахъ слѣпого рока,—
Съ вершины горъ камней потока.

Царицынъ замокъ между скалъ
Надъ хладнымъ бурнымъ Трекомъ.
Едва замѣтнымъ лишь онъ сталъ
Прошлымъ еще вѣкомъ.
Пропало грозное величье
Неприступныхъ стѣнъ его.
Лишь для гнѣздъ онъ годенъ птичьихъ,
Но и птицъ въ немъ нѣтъ давно.

То тамъ, то тутъ паденье водъ
Съ необозримыхъ намъ высотъ;
Пѣнясь, клубясь, шалять онѣ
При блескѣ солнца въ вышинѣ.

С. Крыловъ.

Отъ редакціи.

Въ виду приближенія срока высылки ассигнованныхъ и подписныхъ денегъ на изданіе вѣдомостей въ будущемъ годѣ, редакція покорнѣйше проситъ о.о. благочинныхъ въ переводныхъ билетахъ обозначать званіе, имя и фамилію редактора, чтобы не испытывать въ казначействѣ или банкѣ затрудненія въ получкѣ денегъ.—Согласно неоднократному постановленію съѣздовъ,—срокъ высылки денегъ въ редакцію 1 ноября.—Отчетъ за текущій годъ будетъ напечатанъ въ первыхъ *ММ* будущаго года.

Отвѣты редакціи.

Не будутъ напечатаны статьи: 1) «о новинѣ». Слишкомъ субъективнаго характера. Авторъ сводитъ личные счеты и очень «прозрачно» указываетъ своего «врага». Впрочемъ, краткое извлеченіе можно будетъ сдѣлать въ рубрикѣ «епархіальныхъ отголосковъ». 2) «Аронецъ» и протоіерей Іоаннъ Сергіевъ». По частному факту единичной личности, кажется, ошибочно судить о характерѣ образованія и воспитанія въ цѣломъ учебномъ заведеніи. 3) Статья безъ заглавія—по адресу «современныхъ лжепророковъ»—слишкомъ слаба,—наборъ словъ въ двѣ странички полу-листа. 4) „О церковномъ звонѣ“... Не лучше-ли ужъ прямо написать „доносъ“, о которомъ упоминается въ статьѣ?... 5) форму доноса, съ обозначеніемъ имени, имѣетъ и „мое письмо“ по поводу одного благочинническаго съѣзда.—Редакція убѣдительно проситъ своихъ дорогихъ сотрудниковъ: не „подливать масла въ огонь“, не разжигать страстей на почвѣ себялюбія, обѣленія только себя и зараженія ближняго своего;—высказывать безпристрастныя, спокойныя сужденія о дѣлѣ, а не о личностяхъ...

Редакторъ неофициальной части Священникъ І. ПОПОВЪ.

Въ приложеніи—статья: «Ново-Израильтяне».

Печат. разрѣш. 13 октября 1907 г. Владикавказъ, цензоръ протоіерей К. Александровъ.
